

Н. Г. ПОРФИРИДОВ

Николай Григорьевич Порфиридов — уроженец Новгородской земли. Отсюда идут не только корни его рода, отсюда происходит источник его знаний, здесь зародилась и созрела его наука, освещенная и согретая глубокой любовью к древней культуре этого края. Сфрагистика, мелкая пластика, иконопись, фреска, литература и фольклор составляют лишь главные предметы его занятий, где он сказал свое слово. Между тем Н. Г. Порфиридов никогда не чуждался общих проблем современной культуры. Это и стало причиной стремительного вовлечения его в круговорот новой советской жизни с первых ее шагов.

В апреле 1918 г., по окончании Археологического института в Петрограде, Николай Григорьевич был назначен заведующим секцией при Губернском отделе народного образования, превращенной вскоре в объединенное Губернское управление новгородскими музеями. Приступив к исполнению своих обязанностей, он сразу очутился в самой гуще событий. Национализацию художественных ценностей, упразднение церквей и монастырей, создание новых культурных учреждений старая интеллигенция встречала настороженно, порой враждебно. В этой обстановке приходилось рассчитывать только на собственные силы. И Н. Г. Порфиридов их не жалел. Он устраивал помещения для прежних музеев, добивался открытия новых, собирал брошенные в усадьбах художественные ценности, занимался учетом и документацией коллекций, участвовал в пропаганде исторических знаний, находил время для собственных научных занятий, уделял внимание публицистике. Можно без преувеличения сказать, что годы его новгородского директорства были самыми трудными и самыми счастливыми в его жизни.

В 1919—1920 гг. он много писал для местной периодической печати. Журналы «Новгородское вече», «Просвещение и культура», газета «Звезда» регулярно помещали его небольшие статьи и заметки, в которых он всегда выступал с позиций человека, убежденного в действенности печатного слова. Темы были самые разнообразные, и в каждой публикации, как бы коротка она ни была, Николай Григорьевич стремился разъяснить необходимость охраны памятников истории и культуры, увеличить ряды энтузиастов, обратить помыслы людей к прекрасному. Многие выступления Н. Г. Порфиридова в тогдашней периодике и теперь кажутся злободневными. Например, его высказывание об охране памятников, что «пока вопрос остается в области слов, все мы сходимся на культурной платформе уважения к старине». Но лишь дело доходит до практического осуществления красивой идеи, как выполнение наталкивается на непреодолимые бытовые трудности, и решение вопроса откладывается без размышления о том духовном ущербе, который наносится обществу.

К сожалению, не всегда его призывы доходили до людей, не всегда руководящими органами принимались своевременные меры. Так погибли чугунные решетки окрестных новгородских мостов, несколько путевых дворцов в районах области. Большинство из них было уничтожено по невежеству. И теперь только заметки Николая Григорьевича, довольно полно описывающие их вид, остаются сви-

детельствами некогда существовавшей дорожной архитектуры и декорации.

Одним из важных вопросов тех лет была реставрация памятников живописи. Н. Г. Порфиридов не только информировал о состоянии этого дела в Новгороде, но и принимал самое непосредственное участие в его организации и развитии. При нем в Новгороде проходила работа Всероссийской комиссии по делам реставрации. По его инициативе в 1925 г. в музее была открыта собственная мастерская, в которой работал Н. Е. Давыдов. Деятельность реставраторов тех лет полно представлена в сводных отчетах, опубликованных в материалах Новгородского общества любителей древности, — текущей музейной работе, на первый взгляд не требующей особого прилежания. Между тем отчеты Н. Г. Порфиридова показывают необходимость серьезного подхода к этой работе. Изданные материалы сейчас являются уникальными документами реставрации 1918—1928 гг. и доказывают обязательность подобных публикаций.

В 1920 г. под названием «Письмо из Новгорода» вышла одна из лучших ранних статей Н. Г. Порфиридова. Поводом для нее послужила разгоревшаяся в 1919 г. «война» между московскими и петроградскими реставраторами. По ожесточенности споров, излившихся в бесконечных протоколах, актах и заключениях, по категоричности выводов и решений она была типичным явлением своего времени, вполне отражала темп и натиск новой культуры.

В «Письме из Новгорода» Николай Григорьевич не сосредоточивал внимание на накале страстей. Он стремился дать общую картину художественной жизни Новгорода тех лет с ее ошеломляющими открытиями, на пути которых зачастую стояло неумение, вредное упрямство, нежелание вовремя помочь делу. Оптимистический тон статьи, не скрывавшей бытовых невзгод и лишений, обнадеживал, убеждал в постепенном преодолении трудностей.

Новой формой музейной работы, рожденной советским временем, была пропаганда памятников истории и культуры. Н. Г. Порфиридов всегда понимал ее необходимость и принимал самое деятельное участие в издании популярной литературы. Одна за другой выходили маленькие брошюры для туристов, посвященные различным отделам музея. В этой серии Николаю Григорьевичу принадлежат выпуски «Новгородский музей древнего и нового русского искусства» (1927), «Новгородский Кремль» (1929 и 1931), «Новгородский художественный музей» (1932). Насыщенность сведениями, занимательность рассказа делают эти небольшие очерки примером научно-популярного жанра, значение которого и до сих пор недооценивается, считается второстепенным, отвлекающим внимание исследователя от главных задач.

Между тем Н. Г. Порфиридов всегда считал этот вид творчества важным, воспитывающим эстетический вкус, закладывающим основы духовного формирования личности. Исходя из этого убеждения, он писал просто, избегал наукообразной сложности выражений. В спокойной последовательности его повествований, в их незамысловатости и вместе с тем глубокой содержательности ощутил голос старшего, умудренного опытом собеседника. Его рассказ насыщен литературными примерами и поэтическими сравнениями, в нем создается наглядная картина событий, рисуется образ предмета, о ко-

тором идет речь. Именно в таком духе написаны культурно-исторические очерки под общим названием «Древний Новгород».

Эта книга вышла вскоре после Великой Отечественной войны, когда Н. Г. Порфиридов был уже сотрудником Государственного Русского музея и жил в Ленинграде. Сейчас она уже в чем-то устала. В ней нет главы о берестяных грамотах, открытых после ее издания. Пересмотрены и изменены некоторые датировки и выводы. И тем не менее она до сих пор остается единственным обобщающим трудом по культуре древнего Новгорода и представляет собой одно из лучших сочинений научно-популярного жанра.

Особого внимания в ней заслуживает очерк «Литература» с безукоризненным отбором памятников, легкостью языка, точностью характеристик и суждений. Редкой до сих пор теме посвящен очерк «Устное народное творчество», в котором дается обзор новгородских былин и песен, рассказывается о собирании исчезающих произведений русского фольклора.

В 1938 г. Н. Г. Порфиридов становится ученым секретарем Новгородской секции Института истории АН СССР. Его деятельность направляется целиком в русло научной работы, темой которой остается древнерусская художественная культура. Николай Григорьевич работал увлеченно, вникая в самые разные сферы древнего художественного творчества. Его интересовали камни с надписями и рисунками, находившиеся в разных местах новгородской земли, время возникновения росписи на внешних стенах Владычной палаты, декоративное шитье XII в. и многое другое. Большинство из публикаций Н. Г. Порфиридова, помещенных в «Новгородском историческом сборнике» в 1930—1940 гг., являются единственными исследованиями некоторых памятников. Важность этих статей состоит также и в том, что многое из того, о чем в них написано, в настоящее время исчезло совсем.

Погибла во время войны роспись церкви Успения на Волотовом поле. Рухнувшие стены храма погребли под собой величайшее творение средневекового художника. Николай Григорьевич особенно любил эту нежную «сине-голубую» роспись, в которой он видел не только совершенное произведение искусства, но и памятник истории, позволяющий проникнуть в характер культуры XIV в. не менее глубоко, чем «оставленные ею письменные документы». В этом подходе сказывается присущий всем трудам Н. Г. Порфиридова историзм. В настоящее время монументальная живопись Волотова имеет весьма обширный библиографический список. Но в 1940 г. работа Порфиридова была одной из первых, и в ней уже со всей силой проявился творческий и исследовательский дар Николая Григорьевича, сказавшаяся его серьезная историческая подготовка, позволившая связать произведение изобразительного искусства с общественной ситуацией своего времени, отмеченного духом гуманизма.

Находясь под обаянием имени Феофана Грека, он с готовностью относит волотовские фрески к числу произведений великого мастера. Сейчас это суждение не принято, но датировка росписи 1363 годом в соответствии с летописным свидетельством находит все больше последователей.

«Следует ли отказываться от летописной даты Волотовской стенописи?» — спрашивает Николай Григорьевич в небольшой своей

статье (Сборник в честь М. К. Каргера «Культура средневековой Руси» 1974 г.), подтверждая верность сделанным еще в молодости выводам.

С того же времени тянется нить еще одного, всегда волновавшего Н. Г. Порфиридова вопроса: датировка и атрибуция произведений мелкой пластики. Возможно ли «неизвестное определять неизвестным»? Где искать известное, что может послужить объективным фактором суждения в этой сложнейшей области древнерусской культуры? Существо художественного образа, проникновение в его духовное содержание и вместе с тем уяснение роли заказа, частности деталей и особенности орнамента, технология ремесла и производства, языковые признаки и графика надписей и, наконец, «исходный момент атрибуции» — место находки — только совокупность всех этих данных поможет, по мнению Н. Г. Порфиридова, найти по возможности верные решения.

Продолжая ход его рассуждений, можно добавить к числу необходимых элементов исследования еще один определитель — сфрагистику. Н. Г. Порфиридов хорошо знал новгородские печати, ему принадлежит несколько работ в этой области, в числе которых и статья, посвященная так называемой вечевой печати Великого Новгорода. Правильный вывод о времени возникновения и назначении печати сделан Н. Г. Порфиридовым с помощью художественного анализа. Николай Григорьевич прекрасно понимал, что именно сфрагистика как тореvetica дает возможность достаточно полно проследить последовательность стилистического развития, позволяет уяснить неоднозначность и многослойность этого процесса. Современное состояние сфрагистического фонда, систематизированного в двухтомном труде В. Л. Янина, дает в руки исследователей не только богатый материал, но и метод изучения, позволяющий делать наиболее корректные выводы в области мелкой пластики. Не исключено, что использование точных аналогий из сфрагистики позволит разрешить и вопрос о каменных иконках с изображением Бориса и Глеба из Рязани и Симеона Столпника и Ставрокия из Новгорода, представляющих явления одного порядка, но ставших «камнем преткновения» для специалистов.

Николай Григорьевич не выступал с сенсационными открытиями. И не потому, что у него не было находок, а потому, что все шумное, требующее определений в превосходной степени, претило мирному духу его творчества. Невозмутимая точность аргументов, чистота выражений, неторопливое повествование отличают его исследовательскую манеру. Может быть, поэтому статья об иконах «Иван, Георгий, Власий» и «Спас на престоле с избранными святыми», в которой оба произведения отнесены к одному мастеру, не вызвала дискуссии, а просто была принята к сведению как одно из серьезных и возможных суждений об этих знаменитых произведениях.

К числу открытий Н. Г. Порфиридова принадлежит и икона «Сожжение во ад» из г. Острова, отнесенная им к псковской живописи XVI в. Начиная от происхождения иконы, Николай Григорьевич идет далее, не забывая в аргументации ни о «псковских иконографических новациях», ни о своеобразии местного колорита, ни о «живом, творческом отношении к иконе», ни о «пытливой ищущей мыс-

ли» художника. Заслугой исследователя в данном случае было первое обращение к псковской иконе XVI в., уточнение ее локальных особенностей.

Иконопись, сфрагистика, фреска, мелкая пластика не исчерпывают круг интересов Н. Г. Порфиридова. Он всегда стремился и учил своих последователей осваивать весь объем средневековой культуры. Может быть, поэтому он придавал огромное значение литературе. Очерки по истории культуры древнего Новгорода, учебники для средних учебных заведений свидетельствуют о незаурядности его филологических знаний, о стремлении применить их в изучении других сфер духовной культуры древней Руси. В одной из своих последних статей, посвященной иконам «Битва новгородцев с суздальцами» и «Видение пономаря Тарасия» в связи с их литературной основой, он настойчиво подчеркивал необходимость совместного изучения древней живописи и литературы, полагая, что нигде более, чем в древней Руси, не ощущается в этих двух сферах нерасторжимая связь.

Эта проблема кажется особенно актуальной теперь. Можно только не согласиться с Николаем Григорьевичем в ограничении литературного жанра житием, сказанием и тому подобными произведениями. Дальнейшая работа в этой области показывает, что икона всегда зависит от литературно-словесного сочинения и наравне с историческими повествованиями в качестве источников использовалась и гимнография, и краткие проложные сказания, и летописные статьи, и сочинения богословского содержания.

Н. Г. Порфиридов продолжал трудиться до конца своей жизни. Завершают его творческий путь «Воспоминания о Новгороде. 1918—1941». В своем новгородском прошлом он искал молодость, вновь переживал ушедшие годы, возвращаясь к ним с теплым, благодарным чувством. «Воспоминания» замыкают круг его жизни, начавшейся в Новгороде и неразрывно с ним связанной.

В настоящем издании собраны малоизвестные работы 1920-х—1930-х годов, затерявшиеся на страницах местной периодической печати, и последние работы, помещенные в ведущих современных изданиях.

Э. А. Гордиенко